АРИСТОТЕЛЬ

РИТОРИКА

Аристотель
Риторика

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24126156
Аристотель Риторика:
ISBN 978-5-17-102258-7

Аннотация

«Риторика» Аристотеля – это труд, который рассматривает роль речи как важного инструмента общественного взаимодействия и государственного устроения. Речь как способ разрешения противоречий, достижения соглашений и изменения общественного мнения.

Этот труд, без преувеличения, является основой и началом для всех работ по теории и практике искусства убеждения, полемики, управления путем вербального общения.

В трех книгах «Риторики» есть все основные теоретические и практические составляющие успешного выступления.

Трактат не утратил актуальности. Сегодня он вполне может и даже должен быть изучен теми, кому искусство убеждения, наука общения и способы ясного изложения своих мыслей необходимы в жизни.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

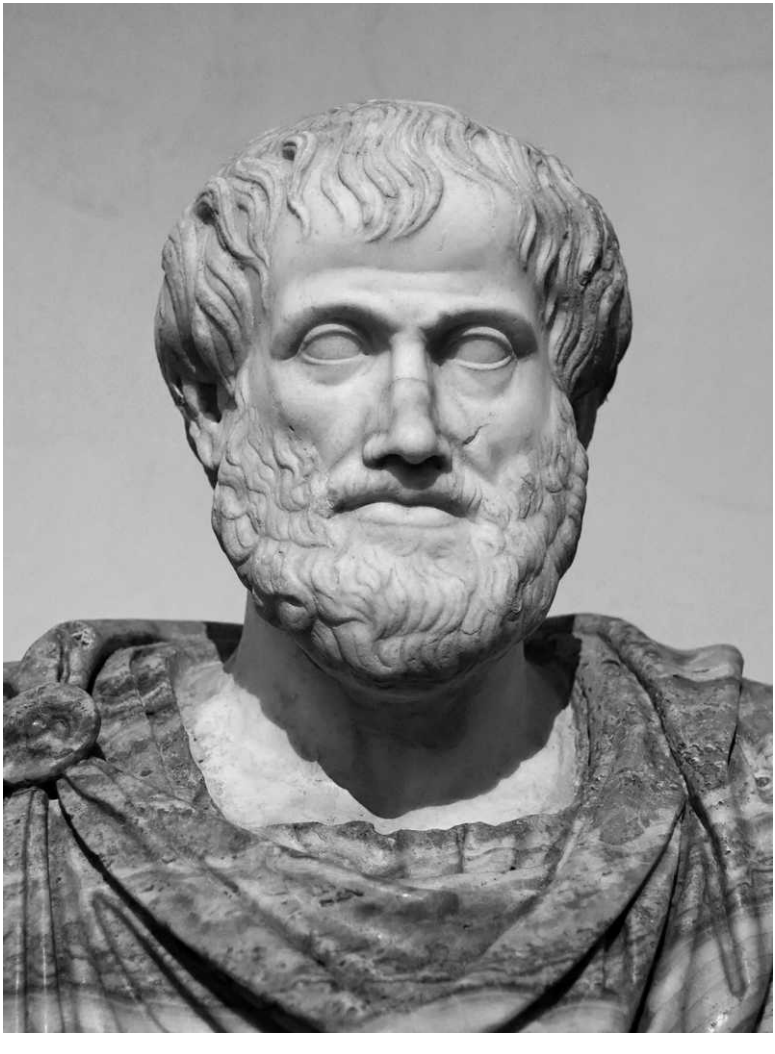
Содержание

Предисловие 7
Книга I 10
Глава I 10
Глава II 19
Глава III 31
Глава IV 36
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Аристотель
Риторика

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *



Предисловие

Аристотель – величайший ученый своего времени, философ и практик, работы которого стали основой развития философской мысли последующих столетий. Ученик великого Платона, автор «Метафизики», «Логики», «Политики», «Поэтики», «Аналитики», оставил потомкам труды, которые остаются современными, несмотря на пласт времени, который отделяет Аристотеля от наших современников.

«Риторика» – это труд, который рассматривает роль речи как важного инструмента общественного взаимодействия и государственного устроения. Ораторское искусство как способ разрешать противоречия и приходить к соглашениям, а также менять общественное мнение за счет умелого использования речи.

Риторика (*др. – греч.* ρητωρικη – «ораторское искусство» от ρητωρ – «оратор») – теория ораторского искусства, приемов и способов построения выразительной, публичной речи.

«Риторика» Аристотеля, без преувеличения, является основой и началом для всех трудов по теории и практике искусства убеждения, полемики, управлению путем вербаль-

ного общения.

В трех книгах «Риторики» есть все основные теоретические и практические составляющие успешного выступления.

В первой книге автор пишет о самом предмете риторики, ее назначении и соотношении с другими областями науки и искусства, о ее значимости в общественной и личной жизни человека.

«Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; аудитория – конечная цель речи». Способность к речи, по Аристотелю, отличает человека от животных, она создает и семью, и государство. Благодаря ей человек приобретает уникальную возможность передавать знания и развивать их совместно с другими людьми. Важными считает Аристотель и качества оратора, учитывая силу воздействия слова на умы и ответственность за результат. Таким образом, риторика, по мнению Аристотеля, является не столько филологической дисциплиной, сколько социальной.

Виды речи, риторическая аргументация, целевая аргументация, инструменты и приемы убедительности, а также необходимость подготовки оратора – темы второй книги.

В третьей книге речь рассматривается как искусство, поскольку ей присущи стиль, композиция, ритм, эмоциональная окраска и периодичность.

«Риторика» – это не только трактат для того, кто стремится стать убедительным оратором. Аристотель излагает свое

понимание природы речи немногословно, но по-настоящему емко. Именно в «Риторике» он впервые дает свое понимание стиля, которое в «Поэтике» развивается и становится каноническим.

Трактат не утратил актуальности. Сегодня он вполне может и даже должен быть изучен теми, кому искусство убеждения, наука общения и способы ясного изложения своих мыслей необходимы в жизни.

Прекрасный перевод Н. Н. Платоновой сохранил для читателя стиль самого автора, с четкостью, последовательностью, ясностью и юмором. Текст, кажется, сохраняет отпечаток личности великого мыслителя античности, дающего уроки уже сотням поколений.

Книга I

Глава I

Отношение риторики в диалектике. – Всеобщность риторики. – Возможность построить систему ораторского искусства. – Неудовлетворительность более ранних систем ораторского искусства. – Что должен доказывать оратор? – Закон должен по возможности все определять сам; причины этого. – Вопросы, подлежащие решению судьи. – Почему исследователи предпочитают говорить о речах судебных? – Отношение между силлогизмом и энтимемой. – Польза риторики, цель и область ее.

Риторика – искусство, соответствующее диалектике, так как обе они касаются таких предметов, знакомство с которыми может некоторым образом считаться общим достоянием всех и каждого и которые не относятся к области какой-либо отдельной науки. Вследствие этого все люди некоторым образом причастны к обоим искусствам, так как всем в из-

вестной мере приходится как разбирать, так и поддерживать какое-нибудь мнение, как оправдываться, так и обвинять. В этих случаях одни поступают случайно, другие действуют в соответствии со своими способностями, развитыми привычкой.

Так как возможны оба эти пути, то, очевидно, является возможность возвести их в систему, так как мы можем рассматривать, вследствие чего достигают цели как те люди, которые руководствуются привычкой, так и те, которые действуют случайно, а что подобное исследование есть дело искусства, с этим, вероятно, согласится каждый. До сих пор те, которые строили системы ораторского искусства, выполнили лишь незначительную часть своей задачи, так как в области ораторского искусства только доказательства обладают признаками, свойственными ораторскому искусству, а все остальное – не что иное, как аксессуары. Между тем авторы систем не говорят ни слова по поводу энтимем, которые составляют суть доказательства, много распространяясь в то же время о вещах, не относящихся к делу; в самом деле: клевета, сострадание, гнев и другие тому подобные движения души относятся не к рассматриваемому судьей делу, а к самому судье. Таким образом, если бы судопроизводство везде было поставлено так, как оно ныне поставлено в некоторых государствах, и преимущественно в тех, которые отличаются хорошим государственным устройством, эти теоретики не могли бы сказать ни слова. Все одобряют такую постановку

судопроизводства, но одни полагают, что дело закона произнести это запрещение, другие же действительно пользуются таким законом, не позволяя говорить ничего не относящегося к делу (так это делается и в Ареопаге). Такой порядок правилен, так как не следует, возбуждая в судье гнев, зависть и сострадание, смущать его: это значило бы то же, как если бы кто-нибудь искривил ту линейку, которой ему нужно пользоваться.

Кроме того очевидно, что дело тяжущегося заключается не в чем другом, как в доказательстве самого факта: что он имеет или не имеет, имел или не имел места; что же касается вопросов, важен он или не важен, справедлив или не справедлив, то есть всего того, относительно чего не высказался законодатель, то об этом самому судье, конечно, следует иметь свое мнение, а не заимствовать его от тяжущихся.

Поэтому хорошо составленные законы главным образом должны, насколько возможно, все определять сами и оставлять как можно меньше произволу судей, во-первых, потому что легче найти одного или немногих, чем многих таких людей, которые имеют правильный образ мыслей и способны издавать законы и изрекать приговоры. Кроме того, законы составляют с людьми на основании долговременных размышлений, судебные же приговоры произносятся на скорую руку, так что трудно людям, отправляющим правосудие, хорошо различать справедливое и полезное.

Самая же главная причина заключается в том, что реше-

ние законодателя не относится к отдельным случаям, но касается будущего и имеет характер всеобщности, между тем как присяжные и судьи изрекают приговоры относительно настоящего, относительно отдельных случаев, с которыми часто находится в связи чувство любви или ненависти и сознание собственной пользы, так что они [судьи и присяжные] не могут с достаточной ясностью видеть истину: соображения своего собственного удовольствия и неудовольствия мешают правильному решению дела.

Итак, как мы говорим, относительно всего прочего нужно предоставлять судье как можно меньше простора; что же касается вопросов, совершился ли известный факт или нет, совершится или нет, есть ли он в наличности, или нет, то решение этих вопросов необходимо всецело предоставить судьям, так как законодатель не может предвидеть частных случаев.

Раз это так, очевидно, что те, которые [в своих рассуждениях] разбирают другие вопросы, например, вопрос о том, каково должно быть содержание предисловия, или повествования, или каждой из других частей [речи], касаются вопросов, не относящихся к делу, потому что [авторы этих сочинений] рассуждают в этом случае только о том, как бы привести судью в известное настроение, ничего не говоря о технических доказательствах, между тем как только таким путем можно сделаться способным к энтимемам. Вследствие всего этого хотя и существует один и тот же метод для речей, об-

ращаемых к народу, и для речей судебного характера, и хотя прекраснее и с государственной точки зрения выше первый род речей, чем речи, касающиеся сношений отдельных личностей между собой, – тем не менее исследователи ничего не говорят о первом роде речей, между тем как каждый из них пытается рассуждать о судебных речах.

Причина этому та, что в речах первого рода представляется менее полезным говорить вещи, не относящиеся к делу, а также и та, что первый род речей представляет меньше простора для коварной софистики и имеет больше общего интереса, здесь судья судит о делах, близко его касающихся, так что нужно только доказать, что дело именно таково, как говорит оратор. В судебных же речах этого не достаточно, но полезно еще расположить слушателя в свою пользу, потому что здесь решение судьи касается дел, ему чуждых, так что судьи, в сущности, не судят, но предоставляют дело самим тяжущимся, наблюдая при этом свою собственную выгоду и выслушивая пристрастно [показания тяжущихся].

Вследствие этого во многих государствах, как мы и раньше говорили, закон запрещает говорить не относящееся к делу, но там сами судьи в достаточной мере заботятся об этом.

Так как очевидно, что правильный метод касается способов убеждения, а способ убеждения есть некоторого рода доказательство (ибо мы тогда всего более в чем-нибудь убеждаемся, когда нам представляется, что что-либо доказано), риторическое же доказательство есть энтимема, и это, вооб-

ще говоря, есть самый важный из способов убеждения, и так как очевидно, что энтимема есть некоторого рода силлогизм и что рассмотрение всякого рода силлогизмов относится к области диалектики – или в полном ее объеме, или какой-нибудь ее части, – то ясно, что тот, кто обладает наибольшей способностью понимать, из чего и как составляется силлогизм, тот может быть и наиболее способным к энтимемам, если он к знанию силлогизмов присоединит знание того, чего касаются энтимемы, и того, чем они отличаются от чисто логических силлогизмов, потому что с помощью одной и той же способности мы познаем истину и подобие истины. Вместе с тем люди от природы в достаточной мере способны к нахождению истины и по большей части находят ее; вследствие этого находчивым в деле отыскания правдоподобного должен быть тот, кто также находчив в деле отыскания самой истины.

Итак, очевидно, что другие авторы говорят в своих системах о том, что не относится к делу; ясно также и то, почему они обращают больше внимания на судебные речи.

Риторика полезна, потому что истина и справедливость по своей природе сильнее своих противоположностей, а если решения выносят с не должным образом, то истина и справедливость обычно бывают побеждены своими противоположностями, что достойно порицания. Кроме того, если мы имеем даже самые точные знания, все-таки нелегко убеждать некоторых людей на основании этих знаний, потому что

[оценить] речь, основанную на знании, есть дело образования, а здесь [перед толпой] она – невозможная вещь. Здесь мы непременно должны вести доказательства и рассуждения общедоступным путем, как мы говорили это и в «Топике» относительно обращения к толпе. Кроме того, необходимо уметь доказывать противоположное, так же, как и в силлогизмах, не для того, чтобы действительно доказывать и то, и другое, потому что не должно доказывать что-нибудь дурное, но для того, чтобы знать, как это делается, а также чтобы уметь опровергнуть, если кто-либо пользуется доказательствами не соответствующими истине.

Из остальных искусств ни одно не занимается выводами из противоположных посылок; только диалектика и риторика делают это, так как обе они в одинаковой степени имеют дело с противоположностями. Эти противоположности по своей природе не одинаковы, но всегда истина и то, что лучше, по природе вещей более поддается умозаключениям и, так сказать, обладает большей силой убедительности.

Сверх того, если позорно не быть в состоянии помочь себе своим телом, то не может не быть позорным бессилие помочь себе словом, так как пользование словом более свойственно человеческой природе, чем пользование телом. Если же кто-либо скажет, что человек, несправедливо пользующийся подобной способностью слова, может сделать много вреда, то это замечание можно [до некоторой степени] одинаково отнести ко всем благам, исключая добродетели,

и преимущественно к тем, которые наиболее полезны, как, например, к силе, здоровью, богатству, военачальству: человек, пользуясь этими благами как следует, может принести много пользы, несправедливо же [пользуясь ими] может сделать очень много вреда.

Итак, очевидно, что риторика не касается какого-нибудь отдельного класса предметов, но, как и диалектика [имеет отношение ко всем областям], а также, что она полезна и что дело ее – не убеждать, но в каждом данном случае находить способы убеждения; то же можно заметить и относительно всех остальных искусств, ибо дело врачебного искусства, например, заключается не в том, чтобы делать [всякого человека] здоровым, но в том, чтобы, насколько возможно, приблизиться к этой цели, потому что вполне возможно хорошо лечить и таких людей, которые уже не могут выздороветь.

Кроме того очевидно, что к области одного и того же искусства относится изучение как действительно убедительного, так и кажущегося убедительным, подобно тому, как к области диалектики относится изучение как действительного, так и кажущегося силлогизма: человек делается софистом не в силу какой-нибудь особенной способности, а в силу намерения, с которым он пользуется своим дарованием. Впрочем, здесь [в риторике] имя ритора будет даваться сообразно как со знанием, так и с намерением [которое побуждает человека говорить]. Там же [в логике] софистом называется человек по своим намерениям, а диалектиком – не по своим

намерениям, а по своим способностям.

Теперь попытаемся говорить уже о самом методе, – каким образом и с помощью чего мы можем достигать поставленной цели. Итак, определив снова, как и в начале, что такое риторика, перейдем к дальнейшему изложению.

Глава II

Место риторики среди других наук и искусств. – Технические и нетехнические способы убеждения. – Три вида технических способов убеждения. – Риторика – отрасль диалектики и политики. – Пример и энтимема. – Анализ убедительного. – Вопросы, которыми занимается риторика. – Из чего выводятся энтимемы? – Определение вероятного. – Виды признаков. – Пример: риторическое наведение. – Общие места и частные энтимемы.

Итак, определим риторику, как возможность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета. Это не составляет задачи какого-нибудь другого искусства, потому что каждая другая наука может научать и убеждать только относительно того, что принадлежит ее области, как, например, врачебное искусство – относительно того, что способствует здоровью или ведет к болезни, геометрия – относительно возможных между величинами изменений, арифметика – относительно чисел; точно так же и остальные искусства и науки; риторика же, по-види-

мому, способна находить способы убеждения относительно каждого данного предмета, потому-то мы и говорим, что она не касается какого-нибудь частного, определенного класса предметов.

Из способов убеждения одни бывают нетехнические, другие же технические. Нетехническими я называю те способы убеждения, которые не нами изобретены, но существовали раньше [помимо нас]; сюда относятся: свидетели, показания, данные под пыткой, письменные договоры и т. п.; техническими же [я называю] те, которые могут быть созданы нами с помощью метода и наших собственных средств, так что первыми из доказательств нужно только пользоваться, вторые же нужно [предварительно] найти.

Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три вида: одни из них находятся в зависимости от характера говорящего, другие – от того или другого настроения слушателя, третьи – от самой речи. Эти последние заключаются в действительном или кажущемся доказывании.

[Доказательство достигается] с помощью нравственного характера [говорящего] в том случае, когда речь произносится так, что внушает доверие к человеку, ее произносящему, потому что вообще мы более и скорее верим людям хорошим, в тех же случаях, где нет ничего ясного и где есть место колебанию, – и подавно; и это должно быть не следствием ранее сложившегося убеждения, что говорящий обладает известными нравственными качествами, но следствием самой

речи, так как несправедливо думать, как это делают некоторые из людей, занимающихся этим предметом, что в искусстве заключается и честность оратора, как будто она представляет собой, так сказать, самые веские доказательства.

Доказательство находится в зависимости от самих слушателей, когда последние приходят в возбуждение под влиянием речи, потому что мы принимаем различные решения под влиянием удовольствия и неудовольствия, любви или ненависти. Этих-то способов убеждения, повторяем, исключительно касаются нынешние теоретики словесного искусства. Каждого из этих способов в отдельности мы коснемся тогда, когда будем говорить о страстях.

Наконец, самая речь убеждает нас в том случае, когда оратор выводит действительную или кажущуюся истину из доводов, которые оказываются в наличности для каждого данного вопроса.

Так как убедить можно такими путями, то, очевидно, ими может пользоваться только человек, способный к умозаключениям и к исследованиям характеров, добродетелей и страстей – что такое каждая из страстей, какова она по своей природе и вследствие чего и каким образом появляется, – так что риторика оказывается как бы отраслью диалектики и той науки о нравах, которую справедливо назвать политикой. Вследствие этого-то риторика и принимает вид политики и люди, считающие риторику своим достоянием, выдают себя за политиков, вследствие ли невежества, или шарлатан-

ства, или вследствие других причин, свойственных человеческой природе. На самом деле, как мы говорили и в начале, риторика есть некоторая часть и подобие диалектики: и та, и другая не есть наука о каком-нибудь определенном предмете, о том, какова его природа, но обе они лишь методы для нахождения доказательств. Итак, мы, пожалуй, сказали достаточно о сущности этих наук и о их взаимном отношении.

Что же касается способов доказывать действительным или кажущимся образом, то как в диалектике есть наведение, силлогизм и кажущийся силлогизм, точно так же есть и здесь, потому что пример есть не что иное, как наведение, энтимема – силлогизм, кажущаяся энтимема – кажущийся силлогизм. Я называю энтимемой риторический силлогизм, а примером – риторическое наведение: ведь и все ораторы излагают свои доводы или приводя примеры, или строя энтимемы, и помимо этого не пользуются никакими способами доказательства.

Так что, если вообще необходимо доказать что бы то ни было, путем или силлогизма, или наведения (а это очевидно для нас из «Аналитики»), то каждый из этих способов доказательства непременно совпадет с каждым из вышеназванных.

Что же касается различия между примером и энтимемой, то оно очевидно из «Топики», так как там ранее сказано о силлогизме и наведении: когда на основании многих подобных случаев выводится заключение относительно налично-

сти какого-нибудь факта, то такое заключение там называется наведением, здесь – примером. Если же из наличности какого-нибудь факта заключают, что всегда или по большей части следствием наличности этого факта бывает наличность другого, отличного от него факта, то такое заключение называется там силлогизмом, здесь же энтимемой.

Очевидно, что тот и другой род риторической аргументации имеет свои достоинства. Что мы говорили в «Методике», то мы находим также и здесь: одни речи богаты примерами, другие – энтимемами; точно так же и из ораторов одни склонны к примерам, другие – к энтимемам. Речи, наполненные примерами, не менее убедительны, но более впечатления производят речи, богатые энтимемами. Мы будем позднее говорить о причине этого, а также и о способе, как нужно пользоваться каждым из этих двух родов доводов. Теперь же определим точнее самую их сущность.

Убедительное должно быть таковым для какого-нибудь известного лица, и при том один род убедительного непосредственно сам по себе убеждает и внушает доверие, а другой род достигает этого потому, что кажется доказанным через посредство убедительного первого рода; но ни одно искусство не рассматривает частных случаев: например, медицина рассуждает не о том, что здорово для Сократа или для Каллия, а о том, что здорово для человека таких-то свойств или для людей таких-то; такого рода вопросы входят в область искусства, частные же случаи бесчисленны и недоступ-

ны знанию. Поэтому и риторика не рассматривает того, что является правдоподобным для отдельного лица, например, для Сократа или Каллия, но имеет в виду то, что убедительно для всех людей, каковы они есть. Точно так же поступает и диалектика; это искусство не выводит заключений из чего попало (ведь и сумасшедшим кое-что кажется убедительным), но только из того, что нуждается в обсуждении; подобно этому и риторика имеет дело с вопросами, которые обыкновенно бывают предметом совещания для людей.

Она касается тех вопросов, о которых мы совещаемся, но относительно которых у нас нет строго определенных правил, и имеет в виду тех слушателей, которые не в состоянии ни охватывать сразу длинную нить рассуждений, ни выводить заключения издалека. Мы совещаемся относительно того, что, по-видимому, допускает возможность двоякого решения, потому-то никто не совещается относительно тех вещей, которые не могут, не могли и в будущем не могут быть иными, раз мы их понимаем как таковые, – не совещаемся потому, что это ни к чему не ведет.

Делать заключения и выводить следствие можно, во-первых, из того, что раньше было уже доказано силлогистическим путем, а во-вторых, из таких положений, которые, не будучи раньше доказаны путем силлогизма, нуждаются в подобном доказательстве, как не представляющиеся без этого правдоподобными; в первом случае рассуждения не удобопонятны вследствие своей длины, потому что судья ведь

предполагается человеком заурядным, а во втором они не убедительны, потому что имеют своим исходным пунктом положения необщепризнанные или неправдоподобные. Таким образом, энтимема и пример необходимо должны быть: первая – силлогизмом, второй – наведением касательно чего-нибудь такого, что вообще может иметь и другой исход. И энтимема, и пример выводятся из немногих положений; часто их бывает меньше, чем при выведении первого силлогизма, потому что, если какое-нибудь из них общеизвестно, его не нужно приводить, так как его добавляет сам слушатель, например, для того чтобы выразить мысль, что Дорией победил в состязании, наградой за которое служит венок, достаточно сказать, что он победил на Олимпийских играх, а что наградой за победу служит венок, этого прибавлять не нужно, потому что все это знают.

Есть немного необходимых положений, из которых выводятся риторические силлогизмы, потому что большая часть вещей, которых касаются споры и рассуждения, могут быть и иными [сравнительно с тем, что они есть], так как люди рассуждают и размышляют о том, что бывает объектом их деятельности, а вся их деятельность именно такова: ничто в ней не имеет характера необходимости, а то, что случается и происходит по большей части, непременно должно быть выведено из других положений подобного рода, точно так же, как необходимое по своей природе должно быть выведено из необходимого (все это известно нам также из «Аналити-

ки»). Отсюда ясно, что из числа тех положений, из которых выводятся энтимемы, одни имеют характер необходимости, другие – и такова большая часть их – характер случайности; таким образом, энтимемы выводятся из вероятного или из признаков, так что каждое из этих двух понятий необходимо совпадает с каждым другим из них.

Вероятное то, что случается по большей части, и не просто то, что случается, как определяют некоторые, но то, что может случиться и иначе; оно так относится к тому, по отношению к чему оно вероятно, как общее к частному.

Что касается признаков, то одни из них имеют значение общего по отношению к частному, другие – частного по отношению к общему; из них те, которые необходимо ведут к заключению, называются приметами; те же, которые не ведут необходимо к заключению, не имеют названия, которое соответствовало бы их отличительной черте.

Необходимо ведущими к заключению я называю те признаки, из которых образуется силлогизм. Отсюда-то подобный род признаков и называется необходимым признаком, ибо когда люди думают, что сказанное ими не может быть опровергнуто, тогда они полагают, что привели доказательство, как нечто «доказанное» и «законченное», потому что в древнем языке tecmar и peras значат одно и то же.

Из признаков одни имеют значение частного по отношению к общему, как, например, если бы кто-нибудь назвал признаком того, что мудрецы справедливы, то, что Со-

крат был мудр и справедлив. Это – признак, но он может быть опровергнут, даже если сказанное справедливо, потому что он не может быть приведен к силлогизму. Другой род признаков, например, если кто-нибудь скажет, что такой-то человек болен, потому что у него лихорадка, или что такая-то женщина родила, потому что у нее есть молоко, – этот род признаков имеет характер необходимости. Из признаков только один этот род есть доказательство, потому что он один не может быть опровергнут, раз верна [посылка]. Признак, идущий от общего к частному, [будет таков], например, если кто-нибудь считает доказательством того, что такой-то человек страдает лихорадкой, тот факт, что этот человек часто дышит; это может быть опровергнуто, если даже верно это утверждение, потому что иногда приходится часто дышать человеку и не страдающему лихорадкой.

Итак, мы сказали, что такое, вероятное, признак и примета и чем они отличаются друг от друга; более же подробно мы разобрали вопрос как об этом, так и о том, по какой причине одни доказательства не выведены, а другие выведены по правилам силлогизма, – в «Аналитике». Мы сказали также, что пример есть наведение, и объяснили, чего касается это наведение: пример не обозначает ни отношения части к целому, ни целого к части, ни целого к целому, но части к части, подобного к подобному, когда оба данных случая подходят под одну и ту же категорию случаев, причем один из них более известен, чем другой; например, [мы предполага-

ем], что Дионисий, прося себе вооруженной стражи, замышляет сделаться тираном, – на том основании, что ранее этого Писистрат, замыслив сделаться тираном, потребовал себе стражу и, получив ее, сделался тираном; точно так же поступил Феаген Мегарский и другие хорошо известные нам люди; все они в этом случае делаются примерами по отношению к Дионисию, о котором мы хорошенько не знаем, точно ли он просит себе стражу именно для этой цели. Все приведенные случаи подходят под то общее положение, что, раз человек просит себе стражу, он замышляет сделаться тираном. Мы сказали, таким образом, из чего составляются способы убеждения, кажущиеся аподиктическими. Между энтимемами есть одно громадное различие, совершенно забываемое почти всеми исследователями, оно – то же, что и относительно диалектического метода силлогизмов; заключается оно в том, что одни из энтимем образуются согласно с риторическим, а также с диалектическим методом силлогизмов, другие же согласно с другими искусствами и возможностями, из которых одни уже существуют в законченном виде, а другие еще не получили полной законченности. Вследствие этого люди, пользующиеся ими, сами незаметно для себя пользуясь ими больше, чем следует, выходят из своей роли простых ораторов. Сказанное нами станет яснее, если мы подробнее разовьем нашу мысль. Я говорю, что силлогизмы диалектические и риторические касаются того, о чем мы говорим общими местами (топами); они общие для рас-

суждений о справедливости, о явлениях природы и о многих других, отличных один от другого предметах; таков, например, топ большего и меньшего, потому что одинаково удобно на основании его построить силлогизм или энтимему как относительно справедливости и явлений природы, так и относительно какого бы то ни было другого предмета, хотя бы эти предметы и были совершенно различны по природе. Частными же я называю энтимемы, которые выведены из посылок, относящихся к отдельным родам и видам явлений, так, например, есть посылки физики, из которых нельзя вывести энтимему или силлогизм относительно этики, а в области этики есть другие посылки, из которых нельзя сделать никакого вывода для физики, точно так же и в области всех [других наук]. Те [энтимемы первого рода, то есть топы] не сделают человека сведущим в области какой-нибудь частной науки, потому что они не касаются какого-нибудь определенного предмета. Что же касается энтимем второго рода, то чем лучше мы будем выбирать посылки, тем скорее незаметным образом мы образуем область науки, отличной от диалектики и риторики, и если мы доберемся до основных положений, то будем иметь перед собой уже не диалектику и риторику, а ту науку, основными положениями которой мы овладели. Большая часть энтимем выводится из этих частных специальных положений; из топов их выводится меньше.

Теперь точно так же, как и в топике, нам нужно рассмот-

реть виды энтимем, а также топы, из которых их нужно выводить. Видами я называю посылки, свойственные каждому отдельному роду предметов, а топами – посылки, одинаково общие всем предметам.

Итак, поговорим сначала о видах. Предварительно же рассмотрим роды риторики, чтобы, определив число их, разобрать элементы и посылки каждого из них в отдельности.

Глава III

Три элемента, из которых слагается речь. – Три рода слушателей. – Три рода риторических речей. – Предмет речей совещательных, судебных, эпидиктических. – Время, которое имеет в виду каждый из трех родов речи. – Цель каждого рода речи. – Необходимость знать посылки каждого рода речи.

Есть три вида риторики, потому что есть столько же родов слушателей. Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя). Слушатель бывает или простым зрителем, или судьей, и притом судьей или того, что уже совершилось, или же того, что должно совершиться. Примером человека, рассуждающего о том, что должно быть, может служить член народного собрания, а рассуждающего о том, что уже было, – член судилища; человек, обращающий внимание [только] на дарование [оратора], есть простой зритель. Таким образом, естественными являются три рода ритори-

ческих речей: совещательные, судебные и эпидиктические. Дело речей совещательных – склонять или отклонять, потому что как люди, которым приходится совещаться в частной жизни, так и ораторы, произносящие речи публично, делают одно из двух [или склоняют, или отклоняют].

Что касается судебных речей, то дело их – обвинять или оправдывать, потому что тяжущиеся всегда делают непременно одно что-нибудь из двух [или обвиняют, или оправдываются].

Дело эпидиктической речи – хвалить или порицать. Что касается времени, которое имеет в виду каждый из указанных родов речи, то человек, совещаясь, имеет в виду будущее: отклоняя от чего-нибудь или склоняя к чему-нибудь, он дает советы относительно будущего. Человек тяжущийся имеет дело с прошедшим временем, потому что всегда по поводу событий, уже совершившихся, один обвиняет, а другой защищается. Для эпидиктического оратора наиболее важным представляется настоящее время, потому что всякий произносит похвалу или хулу по поводу чего-нибудь существующего; впрочем, ораторы часто сверх того пользуются и другими временами, вспоминая прошедшее или строя предположения относительно будущего. У каждого из этих родов речей различная цель, и так как есть три рода речей, то существуют и три различные цели: у человека, дающего совет, цель – польза и вред (один дает совет, побуждая к лучшему, другой отговаривает, отклоняя от худшего); осталь-

ные соображения, как то: справедливое и несправедливое, прекрасное и постыдное, – здесь на втором плане.

Для тяжущихся целью служит справедливое и несправедливое, но и они присоединяют к этому другие соображения.

Для людей, произносящих хвалу или хулу, целью служит прекрасное и постыдное; но сюда также привносятся прочие соображения.

Доказательством того, что для каждого рода речей существует именно названная нами цель, служит то обстоятельство, что относительно остальных пунктов в некоторых случаях и не спорят; например, тяжущийся иногда не оспаривает того, что такой-то факт имел действительно место, или что этот факт действительно причинил вред, но он никогда не согласится, что совершил несправедливое дело, потому что в таком случае [то есть в случае его сознания] не нужно было бы никакого суда.

Подобно этому и ораторы, подающие советы, в остальном часто делают уступки, но никогда не сознаются, что советуют бесполезное или отклоняют от полезного; например, они часто не обращают никакого внимания на то, что несправедливо порабощать себе соседей или таких людей, которые не сделали нам ничего дурного. Точно так же и ораторы, произносящие хвалу или хулу, не смотрят на то, сделал ли этот человек что-нибудь полезное или вредное, но даже часто ставят ему в заслугу, что, презрев свою собственную пользу, он совершил что-нибудь прекрасное; например, восхваляют

Ахилла за то, что он оказал помощь своему другу Патроклу, зная, что ему самому суждено при этом умереть, между тем как у него была полная возможность жить. Для него подобная смерть представляется чем-то более прекрасным, а жизнь чем-то полезным.

Из сказанного очевидно, что прежде всего необходимо знать посылки каждого из указанных родов речей в отдельности, потому что доказательства, вероятности и признаки – посылки риторики. Ведь, вообще говоря, силлогизм составляется из посылок, а энтимема есть силлогизм, составленный из названных нами посылок. Так как не могло совершиться в прошедшем и не может совершиться в будущем что-нибудь невозможное, а [всегда совершается лишь] возможное, и так как не могло совершиться в прошедшем что-нибудь не бывшее, точно так же, как не может быть в будущем совершено что-нибудь такое, чего не будет, то необходимо оратору, как подающему советы, так и произносящему судебные или эпидиктические речи, иметь наготове посылки о возможном и невозможном, о том, было ли что-нибудь, или не было, будет или не будет.

Кроме того, так как все ораторы, как произносящие хвалу или хулу, так и уговаривающие или отговаривающие, а также и обвиняющие или оправдывающиеся, не только стремятся доказать что-нибудь, но и стараются показать великость или ничтожество добра или зла, прекрасного или постыдного, справедливого или несправедливого, рассматри-

вая при этом предметы безотносительно сами по себе, или сопоставляя их один с другим, – ввиду всего этого очевидно, что нужно иметь наготове посылки как общего, так и частного характера относительно великости и ничтожества и относительно большего и меньшего, например, относительно того, что можно назвать большим или меньшим благом, или большим или меньшим преступлением, или более или менее справедливым деянием; точно так же и относительно остальных предметов.

Итак, мы сказали, относительно чего необходимо иметь наготове посылки. После этого следует разобрать [предмет] каждого из указанных [родов речи] в отдельности: чего касаются совещательные, эпидиктические и, в-третьих, судебные речи.

Глава IV

О чем приходится говорить оратору в речах совещательных? – Подробное рассмотрение вопросов, с которыми имеют дело люди, не входит в область риторики. – Риторика заключает в себе элемент аналитический и элемент политический. – Пять пунктов, по поводу которых произносятся совещательные речи: финансы, война и мир, охрана страны, продовольствие страны, законодательство. – Оратор должен знать виды государственного устройства.

Итак, прежде всего, нужно определить, относительно какого рода благ и зол совещается человек, так как [совещаться можно] не относительно всевозможных благ и зол, но лишь относительно тех, которые могут и быть, и не быть. Что же касается того, что непременно есть или будет, или же не может или не могло быть, о таких вещах не может быть никакого совещания. Но [совещаются] также не о всем том, что может быть потому что в числе благ, которые могут и быть и не быть, есть и такие, которые являются в силу естественного хода вещей или случайно и о которых нет никакой пользы

совещаться. Очевидно, что явления, относительно которых возможно совещание, – те, которые в силу своей природы зависят от нас и начало возникновении которых заключается в нас самих. Мы ведь до тех пор исследуем известные вещи, пока определим, в силах или не в силах мы их сделать.

Здесь мы не должны задаваться целью подробно один за другим рассмотреть и распределить на виды те вопросы, с которыми люди обыкновенно имеют дело, точно так же мы не должны давать им определения, согласные с истиной, насколько это возможно, – не должны мы этого делать потому, что это относится к области не риторики, а другой более глубокой и истинной науки, да и теперь уже риторике дано гораздо больше задач, чем ей свойственно.

Справедливо, как мы и раньше заметили, что риторика состоит из науки аналитической и науки политической, касающейся нравов, и что она в одном отношении подобна диалектике, в другом – софистическим рассуждениям. Если же мы захотим рассматривать диалектику и риторику не как способности, но как науки, то, сами этого не замечая, мы уничтожим их природу, так как, относясь к ним таким образом, мы переходим в область наук, которым подчинены известные предметы, а не одни рассуждения.

Однако скажем теперь о вопросах, которые полезно разделить на категории и которые имеют значение для политической науки.

То, о чем люди совещаются и по поводу чего высказывают

свое мнение ораторы, сводится, можно сказать, к пяти главным пунктам; они следующие: финансы, война и мир, защита страны, ввоз и вывоз продуктов и законодательство.

Тому, кто захотел бы давать советы относительно финансов, следует знать все статьи государственных доходов – каковы они и сколько их, чтобы, если какая-нибудь из них забыта, присоединить ее [к доходам], и если какая-нибудь другая меньше [чем могла бы быть], увеличить ее; кроме того, [необходимо знать также и] все расходы, чтобы, в случае если какая-нибудь статья расхода окажется бесполезной, уничтожить ее, а если какая-нибудь другая окажется более значительной, [чем следует], уменьшить ее, так как люди становятся богаче не только путем прибавления к тому, что у них есть, но и путем сокращения расходов. Все эти сведения нужно почерпать не из одного только опыта, касающегося местных дел: для того, чтобы подавать советы относительно этого, необходимо знать и те изобретения, которые сделаны в этом отношении другими.

Что касается войны и мира, [то здесь необходимо] знать силу государства, – насколько она велика в настоящее время и насколько велика была прежде, в чем она теперь заключается и в каком отношении может быть увеличена. Кроме того, [необходимо знать], какие войны вело государство и как, – и все это не только относительно своего собственного государства, но и относительно государств соседних. Следует также знать, с кем из соседей можно с вероятием ожидать

войны, чтобы с более сильными сохранить мир, а что касается более слабых, то чтобы всегда начало войны зависело от нас самих.

Необходимо также знать военные силы [противников], – сходны они с нашими или несходны, потому что и этим путем возможно как получить выгоду, так и понести ущерб. И для этого необходимо рассмотреть исход войн не только наших, но чужих, ибо от одинаковых причин получаются одинаковые следствия.

Что касается обороны страны, то [необходимо] быть знакомым со способами обороны страны; [следует] также знать количество стражи и виды и места сторожевых пунктов; сведения эти невозможно иметь, не будучи хорошо знакомым со страной; [все это для того,] чтобы усилить охрану, если где-нибудь она слишком слаба, и отменить ее там, где она бесполезна, и чтобы тщательнее охранять важные пункты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.